Watson J.
Youth Homelessness and Survival Sex: Intimate Relationships and Gendered Subjectivities

New York: Routledge, 2018. 173 p.

Книга Джулиет Уотсон Youth Homelessness and Survival Sex: Intimate Relationships and Gendered Subjectivities посвящена рассмотрению того, как гендер, пересекаясь со статусами молодости и бездомности, определяет обстоятельства жизни бездомных женщин и стратегии, избираемые ими для выживания. На материалах интервью с австралийскими бездомными женщинами 18–25 лет автор исследует нарративизацию субъективного опыта бездомных женщин в социальных контекстах, задаваясь вопросом: как на эти нарративы влияет неолиберальный дискурс постиндустриального капиталистического общества?

Survival sex[1]?

В первой главе автор последовательно рассматривает понятия молодёжной бездомности, гендера и *survival sex*. Во второй — образ бездомной женщины в контексте теории «неолиберального субъекта». Вступая в дискуссию с ранними исследованиями *survival sex*, Уотсон расширяет перспективу понимания мотивов, побуждающих бездомных женщин прибегать к такой практике. Помимо материальных потребностей (необходимость в месте для ночлега, пропитании и проч.), удовлетворение которых обычно рассматривается как первостепенный мотив вступления в отношения типа *survival sex* [Martyn, 1998], Уотсон отмечает нематериальные потребности «в удовольствии, любви, защите от насилия, чувстве стабильности, эмоциональной поддержке, социальных связях» (p. 4) как не менее значимые. Удовлетворение этих потребностей в обмен на сексуальный капитал, которым обладают молодые бездомные женщины, определяет специфические отношения транзакции [Maxwell, 2006; Powell, 2010]. Такая оптика позволяет отличить практику *survival sex* от проституции, на

[1] Я предпочитаю оставить этот термин непереведённым потому, что в варианте «секс ради выживания» и прочих подобных русскоязычных аналогах удовлетворение посредством этой практики социальных и иных нематериальных потребностей рискует окончательно потеряться.

первый взгляд похожим образом основывающейся на транзакционной функции сексуального контакта.

Кажется, впрочем, что при таком «уравнивании» первичных потребностей, неудовлетворённость которых ассоциируется непосредственно с бездомностью (потребность в обретении ночлега, защите от уличного насилия), с эмоциональными потребностями (в заботе, чувстве психологического комфорта, эмоциональной близости), *survival sex* — в одной из вариаций которого сексуальность оказывается ресурсом, обмениваемым на любовь и ощущение стабильности и безопасности, оказывается будто бы неотличим от брачных союзов (которым по своей транзакционной природе как будто противопоставляется). Брак, сожительство и романтические отношения неоднократно рассматривались с экономической стороны ещё до появления неолиберального дискурса. Придерживается ли автор подобного рассмотрения *брака вообще*? А если нет, то на каких основаниях применяет транзакционную оптику избирательно для анализа нарративов о практике *survival sex*?

Капитал и гендер

Сексуальные отношения бездомных оказываются вписаны в контекст определённых правил и диспозиций, определяемых гендерными отношениями, которые предполагают наличие у женщин «сексуального капитала», из которого женщины могут (и часто принуждаются) расплачиваться, когда иначе расплатиться невозможно (при неимении финансового, социального капитала) (p. 5). Это дополнительно маргинализует их и делает более уязвимыми в и без того располагающей к уязвимости среде.

Третья глава книги посвящена прояснению методологической рамки. Уотсон использует теорию «социального капитала» П. Бурдье и его понятия «капитала», «поля» и «габитуса» [Bourdieu, 1990; Bourdieu, 1991; Bourdieu, 1977; Bourdieu, 1984] для реляционного анализа бездомности как процесса и комплекса межсубъектных и институциональных отношений. Подход Бурдье позволяет, во-первых, описать связь между структурирующими структурами[2] и субъективным опытом; во-вторых — представить модель социального пространства, в котором различные формы капитала накапливаются и реализуются в межсубъектных отношениях; в-третьих — позиционировать рефлективность (собственно, воплощающуюся в нарративах бездомных женщин) как ключевой фактор производства знания

[2] В настоящей работе под структурирующими структурами понимаются гендер, возраст, этничность, сексуальность и ограничения здоровья.

[Skeggs, 2004]. Уотсон работает с понятием капитала, опираясь на феминистское «расширенное» прочтение Бурдье, добавившее в академический дискурс такие аналитические категории как гендерный капитал, физический капитал, капитал женственности и проч. (p. 52). Понятие «поля» применяется для рассмотрения бездомности не как гомогенной сферы, но сферы, составленной из полуавтономных «полей» (p. 54). Понятие габитуса (точнее *гендерного* габитуса) позволяет очертить социокультурный контекст насилия и стигматизации, в который вписаны бездомные женщины и который оказывает решающее влияние на принимаемые ими жизненные решения и на то, как опыт переживания этих решений воплощается в нарративах.

Символическое насилие Бурдье — призма, через которую Уотсон рассматривает влияние неолиберальных дискурсов на нарративизацию бездомными женщинами своего опыта. Неолиберальная риторика реализует символическое насилие по отношению к молодым бездомным женщинам, внедряя в их рефлексивные нарративы утверждение собственной ответственности за становление бездомной, а также как бы мотивируя маскирование гендерного угнетения в рассказах об интимных отношениях за ширму романтических дискурсов.

Теорию перформативности гендера Дж. Батлер [Butler, 1990; Butler, 1993; Butler, 1999] Уотсон использует для рассмотрения гендерной субъектности бездомных женщин с позиции нестабильности гендерной субъектности вообще. Совмещая теорию перформативности гендера Батлер с феминистскими прочтениями теории капитала Бурдье, Уотсон рассматривает *performance of femininity* как форму капитала, доступную молодым бездомным женщинам и применяемую ими как средство для выживания (в частности — посредством практики *survival sex*) (P. 66).

Неолиберализм и его дискурс

Неолиберальный дискурс, согласно Уотсон, предписывает молодости темпоральный статус переходного периода к «взрослой жизни», в течение которого необходимо преодолеть некоторое количество испытаний для достижения успеха: обрести финансовую стабильность, обзавестись недвижимостью, завести семью. Такое понимание молодости обостряет свойственное неолиберализму индивидуализирование социальных проблем: каждый человек сам ответственен за свой жизненный, карьерный, социальный (не)успех — соответственно, молодой человек, не сумевший реализовать сценарий «правильной самореализации» и вследствие этого ставший бездомным, оказывается маргинализирован вдвойне.

Доминирование неолиберальной риторики ведёт к тому, что проблемы, порождённые структурным социальным неравенством

(и, по мнению автора, являющиеся основными факторами, определяющими степень риска и обусловливающие жизненные условия людей в состоянии бездомности), как бы отходят на второй план на фоне выходящих вперёд дискурсов индивидуальной ответственности. Такие дискурсы формируют набор доступных средств, с помощью которых могут создаваться нарративы для осмысления персонального опыта (p. 5). Так, выход из абьюзивных отношений объясняется решением выйти из позиции *жертвы* (поскольку *жертва* домашнего насилия, в свою очередь, подвергается общественному осуждению как виновная в своём неблагополучном положении, если не предпринимает попыток оставить партнёра, применяющего насилие) (p. 140). Собственное (не)вступление в сексуальные отношения может осмысляться информантками Уотсон в рамках сепарирования от стигматизированных практик. Невступление в отношения до самостоятельного обретения материальной и социальной стабильности мотивируется нежеланием вступать в транзакционные отношения *survival sex* (p. 145), т. к. возникновение эмоциональной и материальной привязанности к другому бездомному человеку может осложнить выход из бездомности, если у партнёра окажется меньше ресурсов для собственного выхода из этого состояния (p. 135). Вступление в отношения комментируется с акцентом на их романтическую сторону и не связанность с состоянием бездомности (p. 146).

Говоря о неолиберализме, стоит заметить, что постоянные попытки автора экстраполировать структурные проблемы австралийского общества, так или иначе влияющие на специфику женской бездомности, на весь мир посредством говорения о некоем «постиндустриальном капиталистическом обществе» со свойственным ему духом «неолиберализма» (p. 21, 24–25, 28–31, 41, 93, 152), кажутся необоснованными. Мода на обсуждение неолиберализма как корня всех зол зачастую (как и в случае рецензируемой книги) становится основанием для избегания авторами объяснения той концептуальной модели, в рамках которой они его понимают.

Если, следуя за критиком неолиберализма Дэвидом Харви, понимать неолиберализм как «теорию политико-экономических практик, предполагающую, что благосостояние человека может быть наиболее эффективно улучшено путём освобождения индивидуальных предпринимательских свобод и навыков в институциональных рамках, характеризующихся сильными правами частной собственности, свободными рынками и наличием свободной торговли»[3] [Harvey, 2007, p. 2], и, в контексте обсуждения книги Дж. Уотсон, принимать акцент на «индивидуальных предпринимательских свободах» (вероятно,

[3] Перевод мой. Ориг. текст: «...a theory of political economic practices that proposes that human well-being can best be advanced by liberating individual entrepreneurial freedoms

порождающих *enterpreneural self* [Kelly, 2006] неолиберального субъекта) — всё же сложно обобщить специфику прав на собственность и функционирования свободных рынков *всех* «постиндустриальных капиталистических обществ».

Who is homeless?

Особое внимание стоит уделить тому, как автор работает с понятием бездомности. В первую очередь, Уотсон указывает, что существующие категоризации бездомности имеют практический генезис: бездомные как бы классифицируются по определённым проблемам (отсутствие ночлега, места для обогрева, питания), разрешать которые — практическая цель государства, соцработников и проч. Наиболее подходящим для своей работы Уотсон видит понимание бездомности как «определённой формы материального неравенства и культурной маргинализации, а не исключительной и ограниченной идентичности» [Farrugia & Watson 2011][4].

С одной стороны, отказ от понимания бездомности как restricted identity оправдан в контексте авторского «градиентного» понимания категории риска, о котором пойдёт речь ниже. С другой — определение бездомности как «distinct form of material inequality and cultural marginalisation» без уточнения степеней этих «неравенства» и «маргинализации» размывает понимание объекта исследования и расфокусирует читательское внимание. В процессе чтения приходится как бы самостоятельно достраивать представление об объекте исследования посредством дополнительных факторов, не проговариваемых Уотсон: так или иначе, все её информантки называют себя homeless; всем им свойственны определённые нарративные стратегии и проч.

Кажется, что такая понятийная размытость идейно связана с попытками автора отойти от бинарной категории риска и не делить людей в состоянии социальной уязвимости на попадающих в группу риска и не попадающих в неё. Уотсон утверждает, что *риск* сам по себе — не дискретная категория, а *степень риска* может быть оценена только посредством интерсекционального учёта таких категорий, как гендер, возраст, класс, раса, этническая принадлежность, сексуальная ориентация, наличие ограничений здоровья (p. 3). Тем не менее, фактически из ряда этих факторов Уотсон останавливается только на гендере и возрасте, почти не говоря об этнической принадлежно-

and skills within an institutional framework characterized by strong private property rights, free markets, and free trade».

[4] Перевод мой. Ориг. текст: «...a distinct form of material inequality and cultural marginalisation, rather than as an exclusive and restricted identity» (цит. по [Watson, 2018. P. 6].

сти, лишь вскользь упоминая дополнительную уязвимость трансгендерных и негетеросексуальных персон и вовсе не говоря о людях с ограничениями здоровья. Можно было бы упрекнуть автора в непоследовательности, если бы было возможно предположить работу, которая, утверждая необходимость применения интерсекционального подхода, была бы действительно способна охватить разнообразие *всех* контекстно важных категорий (или хотя бы бесспорно определить их перечень).

Маргинализация

В заключении книги Уотсон пишет, что культурное отчуждение бездомных людей маргинализует их как социальную группу, не признавая за ними права на то, чтобы быть полноценной частью общества, и представляя бездомность аномалией.

Культурное отчуждение и маргинализация, более интенсивные в отношении бездомных женщин, чем мужчин, в представлении Уотсон являются следствием доминирования неолиберального дискурса, в постфеминистском изводе которого женщинам предписывается избегать гендерно-обусловленной жертвенности (p. 72) в условиях, не предоставляющих им для этого возможностей (p. 65). При более широком рассмотрении, это является частью общей проблемы неолиберальной маргинализации бездомных людей (независимо от гендера) как неуспешных субъектов, ответственных за своё неблагополучие, без рассмотрения зависимости их положения от структурных социальных проблем (p. 72).

Однако разве такое акцентирование внимания на структурном неравенстве как главном двигателе культурного отчуждения и маргинализации бездомных не обостряет обезличивание бездомного обществом, исследовательским дискурсом, государством — иными словами, любыми акторами, кто возьмёт подобную теорию на вооружение? Фактически, представление о бездомных как о гомогенном сообществе, доминирующим репрезентационным образом которого является белый мужчина, окажется разложенным на несколько гомогенных сообществ поменьше, репрезентационным образом одного из которых будет представать мужчина, другого — женщина, третьего — белый, четвёртого — метис и проч. Такой подход едва ли будет отвечать требованиям «восстановления видимости» бездомных женщин (и других «менее видимых» групп) и едва ли окажется соотносим с методами исследования их субъектности.

Заключение

Книга Джулиет Уотсон Youth Homelessness and Survival Sex: Intimate Relationships and Gendered Subjectivities представляется усердной и достойной внимания, хотя и не вполне оригинальной попыткой развить теорию социального капитала Бурдье в феминистской перспективе. Работа автора с нарративами женщин, фактически представленная в структуре исследования как смысловой центр, оказывается вытесненной на периферию читательского внимания, в большей степени занимаемого разработкой аналитического инструментария, который, действительно может оказаться полезным для пополнения методологического арсенала пытливого социального исследователя. Тем не менее, фрагменты интервью, приводимые в книге, выступают скорее иллюстрациями заранее созданной автором концепции, чем самодостаточным материалом, естественным образом задающим ход исследовательской мысли. Лишённые сопроводительных комментариев, которые дали бы исчерпывающие сведения о биографиях информанток, деталях их социального и материального положения, эти фрагменты фактически теряют в весе и не приближают читателя к получению принципиально нового социального знания.

А. О. Захарова

Литература:

1. *Bourdieu. P.* Distinction: A S ocial Critique of the Judgement of Taste, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
2. *Bourdieu P.* In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
3. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
4. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1977.
5. *Bourdieu P.* The Logic of Practice. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
6. *Butler J.* Bodies That Matter: on the Discursive Limits of 'Sex'. New York: Routledge, 1993.
7. *Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. NY: Routledge, 1990.
8. *Butler J.*, Performativity's Social Magic // Bourdieu: a Critical Reader. Oxford: Blackwell, 1999. P. 113–128.
9. *Farrugia D., Watson J.* «If anyone helps you then you're a failure»: youth homelessness, identity and relationships in late modernity // For we are young and...? Young people in a time of uncertainty. Carlton: Melbourne University Press, 2011. P. 142–157.
10. *Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. New Work: Oxford University Press Inc., 2007.
11. *Kelly P.* The Entrepreneurial Self and «Youth at-risk»: Exploring the Horizons of Identity in the Twenty-first Century // Journal of Youth Studies, 2006. Vol. 9, No. 1. P. 17–32.
12. *Martyn E.* Youth for Sale: ECPAT Australia's National Inquiry into the Commercial Exploitation of Children and Young People in Australia. Melbourne: ECPAT Australia, 1998.
13. *Maxwell C.* Understanding Young Women's Sexual Relationship Experiences: the Nature and Role of

Vulnerability. Journal of Youth Studies, 2006. vol. 9, No. 2. P. 141–158.
14. *Powell A.* Sex, Power and Consent: Youth culture and the Unwritten Rules. Port Melbourne: Cambridge University Press, 2010.
15. *Skeggs B.* Introduction: Pierre Bourdieu's Analysis of Class, Gender and Sexuality // Feminism after Bourdieu. Malden: Blackwell, 2004. P. 19–33.

Для цитирования: *Захарова, А.О.* [Рец.] Watson J. Youth Homelessness and Survival Sex: Intimate Relationships and Gendered Subjectivities. New York: Routledge, 2018 // Пути России. 2025. Т. 3. № 2. С. 127–134.